

Владимир Логинов¹

ДОН И КОРОЛЕВА

Формально он не имел звания «дон» — почётного титула знатных фамилий в Испании или Италии, так как родился в городке Елисаветграде. И даже какая-либо информация о семье и родителях отсутствует. Его детство и школьные годы прошли «где-то в степях Новороссии, на берегу Ингула ... Есть блаженное слово — провинция, есть чудесное слово — уезд. ... когда под окном играла шарманка, в лиловом бреду изнемогала сирень ... и преисполняет сердце волнующей нежностью, сладкой болью. — Потерянный, невозвращённый рай!»

Она не была особой королевских кровей, хотя появилась на свет в интеллигентном дворянском семействе. «Я родилась в Петербурге весной, а как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идёт дождь. Поэтому и у меня, как на фронтоне греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее».

Но Королева не кичилась своим титулом, наоборот, она писала Дону тёплые дружеские ласковые письма:

«Милый друг!

Я ужасно рада, что Вы возвращаетесь в Европу. Приезжайте скорее в Париж. Приживём как-нибудь. Я что-то опять скисла и желаю ехать в санаторию. ... Никогда не забуду, как Вы тепло

---

¹ **Логинов Владимир Маркович** родился в Иркутске. Окончил физический факультет Ленинградского электротехнического института. Работал инженером на Кировском заводе. Прозаик, публицист. В молодости писал стихи, в зрелом возрасте — эссе, повести и рассказы. Автор 11 изданных книг. Лауреат и номинант нескольких литературных конкурсов. Живёт в Санкт-Петербурге.

отнесли к мне, когда я издыхала! Живёт это в сердце моём, как легенда — до того хорошо, что даже не похоже на правду. Пишите скорее, когда приедете. Жду с нетерпением.

Всегда Ваша».

Надеюсь, что Вы, почитатели Серебряного века, узнали двух известнейших литераторов: непревзойдённого мастера афоризмов, поэта-сатирика Дона Аминадо, и её — Надежду Тэффи, которую называли первой русской юмористкой начала XX века, «королевой русского юмора».

Его настоящее имя Аминадад Петрович Шполянский. Звучный псевдоним родился, когда помощник присяжного поверенного пришёл в редакцию петербургского «Сатирикона». Его сатира была очень колкой. При этом Дон-Аминадо был ещё и большим лирическим поэтом. У него были и другие имена, которыми он подписывал свои произведения: Гидальго, К. Страшноватенко, Кривой Джимми.

Необычное имя Тэффи взяла себе Надежда Лохвицкая — русская писательница, поэтесса, женщина с невероятным чувством юмора и тонким умом. «Она знала тайну смеющихся слов», — говорил о ней Михаил Зощенко. Происхождение псевдонима она объясняла по-разному. Первая версия: так звали глупого, но очень везучего её знакомого по имени Стэффи, и ради деликатности отбросила начальную букву, вторая версия — псевдоним позаимствован из рассказа Киплинга о шаловливой, заслуживающей порки девочке.

Стихи и афоризмы Дон-Аминадо и короткие рассказы Тэффи спорили друг с другом, что популярней. Поклонниками их творчества становились люди, занимавшие разные положения в обществе: от студента и лавочника до императора. В их произведениях просто, образно и очень смешно говорилось о близком и понятном каждому.

Широко известен факт, что при составлении в 1913 году юбилейного сборника к 300-летию Дома Романовых у царя почтительно осведомились, кого из современных писателей он хотел бы видеть помещённым в нём. Николай II решительно ответил: «Тэффи! Только её. Никого, кроме неё, не надо. Одну Тэффи!». В дореволю-

ционной России она была так популярна, что даже выпускались духи и конфеты под названием «Тэффи».

Афоризмы Аминадо называли перлами «нового Козьмы Прутова»:

- лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным;
- юность довольствуется парадоксами, зрелость — пословицами, старость — афоризмами;
- когда люди не сходятся в главном, они расходятся из-за пустяков.

Дон Аминадо и Тэффи встретились на проспектах Петербурга, их объединяла работа в журнале «Сатирикон», возглавляемом Аркадием Аверченко. Она была постоянной сотрудницей этого журнала, куда в один счастливый день попал Шполянский, и оказалось, что «атмосфера редакционных комнат — именно то место, где ему дышится легко и вольно». Он ушёл на фронт, а после того, как пришёл, стал соредактором журнала, который определял целое направление в русской сатире тех лет. Ядро «Сатириконцев» составили талантливые поэты: Саша Чёрный, П. Потёмкин, В. Князев; из известных прозаиков печатались А. Куприн, Л. Андреев, А. Толстой. Отличный круг общения. Да и любое имя в эти годы во всей петербургской литературной элите — серебро высшей пробы: Блок, Белый, Ахматова, Цветаева, Сологуб, Гумилёв...

Но прошлое существование большинства из них было уничтожено гигантскими катаклизмами — Первой мировой и революциями 1917 года. Дон Аминадо встретил февральскую революцию 1917 года пьесой в стихах «Весна Семнадцатого года», однако не принял Октябрьскую революцию. И, несмотря на то, что его никто не выдворял и даже не угрожал, ему стало ясно, что его будущее как автора в этом государстве под угрозой. Свою эмиграцию в начале 1920-го года через Константинополь в Париж считал вынужденной и называл это изгнанием. Надежда Тэффи также не смогла принять новые реалии послереволюционной России. После закрытия в 1918 году газеты «Русское слово» она в итоге практически в это же время тоже оказалась в Париже, где продолжила литературную деятельность. «Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъярённых харь с направленным прямо мне в лицо фонарём, тупой идиотской злобы». Они оба тяжело переживали разрыв с родиной, но возвратиться в Россию им было не суждено.

На парижских бульварах дружеские отношения Дона и Королевы не только восстановились, но и укрепились. Шполянский принял всестороннее участие в творческой жизни Тэффи, писа-

тельница печаталась почти в каждом номере «Последних новостей», где долгие годы Дон Аминадо состоял в редакции. Первый номер вышел в апреле 1920 года; в нём были опубликованы его стихи, посвящённые Парижу, и тот самый знаменитый рассказ Тэффи «Кё-Фэр». Сотрудничал Дон также с другими эмигрантскими изданиями — журналами «Зелёная палочка», «Свободная мысль», «Сатирикон», альманахом «Сполохи», выпустил несколько сборников своих произведений. В 1920–30-е гг. в Париже «...эмигрантский народ знал его куда лучше, чем Цветаеву или Ходасевича!», как удивлённо вспоминал один из его современников.

О Тэффи Дон всегда говорил только с восхищением: «Но, что и говорить, главенствующая роль принадлежала, конечно, Тэффи, и по неотъемлемому её таланту, и по раз навсегда установленной табели о рангах. Писать она терпеть не могла, за перо бралась с таким видом, словно её на каторжные работы ссылали, но писала много, усердно, и всё, что она написала, было почти всегда блестяще».

В её литературном салоне, неподалёку от церкви Мадлен, Аминад Петрович стал постоянным посетителем и описал его в своей книге «Поезд на третьем пути». Там она производила «смотр новоприбывшим, объединение разрозненных» и шли нескончаемые расспросы: «— Откуда? Давно ли? Какими судьбами?».

Эта грандиозная волна русских эмигрантов положительно повлияла на европейское общество, привнеся туда свои традиции, культуру и искусство. Но их жизнь была непростой и печальной. Большинство из них ничем не владели: ни землёй, ни бизнесом, ни предметами роскоши, многие оказались без привычного уровня достатка. Аминад и Надежда остро подмечали всю «боль» ситуации. В их произведениях этого периода на смену былому лёгкому юмору приходят более глубокие тексты, в которых преобладали грустные мотивы и изломанные судьбы. Это рассказы Тэффи «Городок», «Ностальгия», «Так жили»: «“Ле руссы” живут странной жизнью: “Каждый... ненавидит всех остальных столь же определённо, сколь все остальные ненавидят его”... В этом сообществе есть две основные категории: продающие Россию и её спасающие...».

Такая же картина в стихотворных фельетонах Дон-Аминадо, например, «Когда-то»...

*Пел рояль... Игнали в фанты... / В зеркалах мелькали банты.
Здесь же, в Париже, — / Живём, скрипим да медленно седеем,
Плетёмся переулками Пасси / И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси.*

В 1920–40-х годах они оба были сверхпопулярны в эмигрантской среде, в том числе благодаря врождённому чувству смешного, которое старались сохранять даже в очень печальных обстоятельствах. Как писала Лоло: «А вот и Тэффи! Зал хохочет / На миг тоску забыть он хочет». Цветаева в частном письме признавалась «милому Дон-Аминадо»: «Я на Вас непрерывно радуюсь и Вам непрерывно рукоплещу — как акробату, который в тысячу первый раз удачно протанцевал на проволоке. Сравнение не обидное. Акробат, ведь это из тех редких ремёсел, где всё не на жизнь, а на смерть, и я сама такой акробат». Блестящее остроумие и непринуждённость Дона и Королевы делали их душой литературных вечеров.

Но не менее важна их человеческая дружба, проявившая себя и в творчестве, и в быту, и в переписке:

«Дорогой друг! Ещё и ещё раз сердечно благодарю Вас за Ваш подвиг. Ни один подвижник не шагал ещё так бодро и весело по тернистому пути — помощи ближнему...

Безобразный стиль моего письма свидетельствует о моей искренности... Хорошо бы нам встретиться свободными и беспечными, и другими и весело провести вечерок, поругивая кого-нибудь, а?

Ваша Тэффи»

«Дорогой друг!

Сердечно благодарю за чудесную книжку. Мы с П. А. гадаем по “Новому Кузьме Пруткову”. Очень выходит занятно. Ему по-новенькому вышло: “дай дураку чашу наслаждений, он в неё Витель нальёт” — очень подошло. А что мне вышло — не скажу, а то Вы угадаете, что я за птица!

...Кто Вам целует пальцы? Откликнитесь?...

Ваша Тэффи»

В переписке она позволяет себе такие ласковые и в то же время ироничные обращения: «милый, милый, милый Аминадушка», «милый друг». Сам Дон Аминадо так отзывался о творчестве подруги: «Когда-нибудь из книг Тэффи будет сделана антология, и — со скидкой на время, на эпоху, на географию — антология эта будет верным и весёлым спутником, руководством и путеводителем для будущих поколений...». По письмам, пронизанным тонкой иронией, раздумьями, грустью, также временами нестерпимой тоской, можно составить представление о тёплой многолетней дружбе и доверительных отношениях между Доном и Королевой.

Необходимо отметить, что их творчество высоко ценили практически все талантливые соотечественники, кто был знаком с ними. Прежде всего Иван Бунин, который не очень был скор на похвалы, но был близок к ним обоим. Свидетельства тому — тёплые и нежные письма Бунина Тэффи, наполненные тонким юмором: «А засим, сударыня, целую Ваши ручки, штучки, дрючки». Её ответ: «Дорогой Иван Алексеевич! Если ручки мне иногда ещё целуют, то штучки и тем более дрючки никто уже лет сорок не целовал». Или: «...я, повторяю, клянусь Богом, всегда, всегда дивился Вам — никогда за всю жизнь не встречал подобной Вам! И какое это истинное счастье, что Бог дал мне знать Вас».

Также и отзывы о книгах: «Прочитал, и радуясь, и томясь... Главное в его книжке, поминутно озаряемой умом, тонким юмором, талантом, — едкий и холодный “дым без отечества”, дым нашего пепелища... Аминадо он ест глаза, иногда до слёз», — так писал Бунин в статье с тем же названием «Дым без отечества». «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному».

Уже первые эмигрантские сборники Дона Аминадо дали основание многим говорить о появлении поэта, выразившего общего умонастроения русской эмиграции:

*Был мужик, а мы: «о, грации!» / Был навоз, а мы — в тимпан!
Так от мелодекламации / Погибают даже нации, / Как бурьян...*

Максим Горький, называя его «развесёлый негодяй», считал Дон Аминадо «одним из наиболее даровитых, уцелевших в эмиграции поэтов», отмечал, что это «человек неглупый, зоркий и даже способный чувствовать своё и окружающих негодяйство».

Марина Цветаева в письме в 1938 году писала: «Милый Дон Аминадо, мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт... Вы ... куда больше — поэт, чем все те молодые и немолодые поэты, которые печатаются в толстых журналах... В одной Вашей шутке больше лирической жилы, чем во всём их серьёзе... Вы — своим даром — роскошничаете». Она говорила о Дон-Аминадо как о судье эмиграции, ведь он высмеивал недостатки и пороки бежавших дворян и интеллигенции, «уничтожал словом» их кумиров.

Зинаида Гиппиус считала, что этот поэт «был когда-то “задуман” (если можно так выразиться) — как поэт некрасовско-

го типа», и в силу обстоятельств «задуманного» ... не исполнил», но иногда в его стихах «слышится особая, вечно-человеческая грусть».

В книге З. Шаховской есть следующие строки: «Он был удивительно талантлив, умён и остёр. Как и Тэффи, Аминад Петрович совсем не легкомысленно смотрел на жизнь, он знал её трагичность, её сложность, был человек беспокойный, переживал события очень тяжело».

А вот как о Тэффи отзывается Ирина Одоевцева: «Тэффи, что так редко встречается среди юмористов, была и в жизни полна юмора и веселья. Как верны её слова: “Дать человеку возможность посмеяться не менее важно, чем подать нищему милостыню. Или кусок хлеба. Посмеёшься — и голод так не мучает...”. Без смеха ни одна наша встреча с ней не обходилась, даже в самые тёмные дни. Завидя её издали, я уже начинала улыбаться — с ней всегда и всюду было приятно и весело».

И словом, и делом Дон Аминадо и Тэффи активно помогали соотечественникам, попавшим в тяжёлую ситуацию, выступали на «вечерах помощи», участвовали в сборе денег в фонд Ф. Шаляпина, стремились сохранить культурные связи между французским и русским народами. В 1934 году правительство Франции высоко оценило вклад Шполянского в эту деятельность, наградив Орденом Почётного легиона.

Литературные багажи Дона Аминадо и Тэффи весьма значительны. Вот лишь краткий перечень книг Шполянского: «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ» (1928), «Нескучный сад» (1935), «В те баснословные года» (1951) и др. Его последней работой был автобиографический сборник «Поезд на последнем пути», в котором за каждым именем судьба, зачастую наполненная тоской, грустью или трагическая. Книга вышла в США в 1954 году, за три года до его смерти. Из этой блестяще написанной «хроники жизни» мы можем узнать как об основных вехах его жизни, так и о множестве живых подробностей литературной среды дореволюционной России и русского зарубежья. На страницах книги встречаемся со Станиславским и Немировичем-Данченко, Шаляпиным и Вертинским, Куприным и Мережковским... Повествование пронизывает мироощущения эмигранта: «Бури. Дерзання. Тревоги. / Смысла искать — не найти. / Чувство железной дороги... / Поезд на третьем пути». Книга эта, как и его стихи, — повествование об утраченном мире, но ко-

торый подчиняется неизбежной повторяемости времён. По всему тексту разбросаны отсылки к Экклезиасту: «Пришёл ветер с пустыни и развеял в прах», «возвращение на круги», «мельницы богов», «суета сует», «история повторяется». Книга стала событием литературной жизни.

Надежда Тэффи подготовила к печати более тридцати книг. Из написанного в эмиграции она больше всего ценила сборник «Ведьма» 1936 года, герои рассказов которого словно вышли из языческой Руси. Таковы, например, горничные Устинья и Корнелия или Ядя из «Лешачихи». А вот сборник «Всё о любви» — пример настоящей юмористики. Здесь нет тургеневских девушек и длинных любовных описаний, но даже в лёгких отношениях героев Тэффи удаётся показать особенности их характеров.

Дон и Королева стали знамениты, их читали не только в Париже и в окрестностях, но и в Прибалтике, Америке, причём не только русские, у них были верные поклонники — в Финляндии, Румынии, Польше. Многие стихи и афоризмы знали наизусть. Однако в Советском Союзе их фактически не печатали, за исключением нескольких текстов Тэффи и шести стихотворений Дон Аминадо в 1933 году в еженедельнике «За рубежом», который редактировал М. Горький, под заголовком «Поэзия белой эмиграции». Лишь в 1990 году этот негласный запрет был снят. И у настроенных на перемены читателей их книги вызвали значительный интерес. Особо афоризмы Дон Аминадо из «Нескучного сада», например такие: «нет ничего скучнее, чем жить в интересное время»; «счастливые поколения занимаются шведской гимнастикой, несчастные — переоценкой ценностей»; «ничто так не утомляет, как ожидание поезда, особенно когда лежишь на рельсах»; «очень сложно хлопнуть дверью, если вас выбросили в окно»; «с тех пор, как свиньи узнали про Фрейда, они всякое свинство объясняют комплексом»; «про каждого человека можно написать роман, но не каждый человек заслуживает некролога». Некоторые из афоризмов оказались пророческими: «будущее совершенно ясно: ни Бога, ни царя, один телефон», «верх популярности — это когда весь мир ненавидит одного человека». Как и несколько строчек его стихов:

Мы будем каяться пятнадцать лет подряд.

С остервенением. С упорным сладострастьем...

Так протекут и так пройдут года: (...)

*Но, чую, вновь от беловежских пущ
Пойдёт начало с прежним продолженьем.
И вокруг оси опишет новый круг
История, бездарная, как бублик...*

Евгений Евтушенко называл Дона «ясновидящий пророк», который предсказал, «где именно произойдёт распад уже не романовской, а новой, красной империи», и посвятил ему стихи:

*Поговорить немножечко бы надо,
хотя бы с тенью Дона Аминадо,
гадавшего не на кофейной гуще,
а поточней — на Беловежской пуще.*

Многие высказывания Тэффи также афористичны: «чтобы залезть мне в душу, без калош не обойтись»; «чтобы всем было хорошо, нужно, чтобы каждому было скверно»; «чем культурнее страна, чем спокойнее и обеспеченнее жизнь нации, тем круглее и совершеннее форма её дураков»; «как часто вспоминаем мы потом, что у друга нашего были в последнюю встречу печальные глаза и бледные губы».

В конце XX века всплеск к чтению в нашей стране литераторов-эмигрантов был понятен. Однако он был обусловлен не только снятием запретов, остротой социальных событий, но и высочайшим мастерством многих из них.

Надежда Лохвицкая и Аминодав Шполянский обладали даром ироничного живописания мелочей «нашей маленькой жизни», умением собрать в своих текстах запоминающиеся типажи человеческих личностей. Их ненавязчивые сатира и юмор были неотделимы от любви к миру, несмотря на трудности и беды. Дон и Королева, показывая жизнь через смешную ситуацию, предлагают читателю самому сделать выводы. Отсутствие морализаторства, идеологических догм — большой плюс их произведений. Они стали признанными мастерами короткого текста, очень непростого литературного жанра, в котором из-за небольшого объёма произведения автору приходится точно подбирать каждое слово, каждую фразу, делать акцент на самом главном.

Понятно, что это был огромный труд, который требовал неимоверных усилий и полной отдачи: «Вы, небось, думаете, что смешить читателей ... — дело ерундовое: насобачился, мол, и всё..., хоть посылай сразу в набор», — говорил Шполянский.

Дона Аминадо и Тэффи безусловно будут помнить не только как юмористов и сатириков, но и как лирических поэтов. Вот лишь несколько пронзительных строк.

Его: *И пусть дрожат натянутые струны,
Звонит хрусталь и пенится вино,
Вообразим, что мы, как прежде, юны,
Что нам, как прежде, многое дано! ...*

* * *

*И нежность всех воспоминаний,
И мудрость радости земной.
И всё, что было ранней-ранней
Неповторимую весной.*

Её: *Он ночью приплывёт на чёрных парусах,
Серебряный корабль с пурпурною каймою!
Но люди не поймут, что он приплыл за мною
И скажут — «Вот луна играет на волнах»...*

* * *

*И если чёрная над нами встала тень —
Мы смехом заглушим свои стенанья.*

Эти строки и сейчас актуальны и помогают нам против пессимизма и безнадежности.

Их жизни сложилась по-разному: Аминодав Петрович умер 14 ноября 1957 года в возрасте 69 лет, Надежда Александровна скончалась 6 октября 1952 года в возрасте 80 лет. Но оба юбиляра 2022 года до конца дней сохранили душевные отношения, что бывает не так часто.

И сегодня мы видим, что их произведения совершенно не устарели. Это «замечательное свойство быть своим во всех временах — присуще далеко не всем, даже одарённейшим, натурам». Ключик в том, что Дон и Королева искренне и с любовью писали о людях, а их проблемы практически одинаковы и мало зависят от того, какой век на дворе. Они знали и понимали сложность и нередко трагичность жизни, но, как всем советовал Дон-Аминадо: «Старайтесь улыбаться!».

Санкт-Петербург